Боруленков Ю.П.♦

Мотив как элемент предмета доказывания

Зависимость уголовного процесса и, соответственно, уголовно-процессуального доказывания от уголовного права в той или иной степени признаётся всеми отечественными процессуалистами. Одним из связующих звеньев обеих отраслей права является мотив как часть субъективной стороны преступления и элемент предмета доказывания.

Согласно Психологическому словарю понятие «мотив» (от лат. movere – приводить в движение, толкать) определяется достаточно разнопланово: 1) побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта; 2) предметнонаправленная активность определённой силы; 3) побуждающий и определяющий выбор направленности деятельности на предмет (материальный или идеальный), ради которого она осуществляется; 4) осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности. В качестве потенциальных мотивов выступают присущие данному обществу объективные ценности, интересы и идеалы, которые в случае их интериоризации [1] личностью могут приобрести побудительную силу и стать реально действующими мотивами. Эти мотивы выполняют функцию смыслообразования, то есть придают отражаемой в индивидуальном сознании действительности личностный смысл [2].

На уровне уголовного закона происходит деление мотивов на юридически значимые для квалификации преступления и иные мотивы, которые приобретают правовой смысл при дальнейшей реализации закона. Мотив как необходимый признак состава преступления может играть двоякую роль. Во-первых, он может быть признаком, без которого данный состав вообще не существует (например, корыстная или иная личная заинтересованность является необходимым признаком состава злоупотребления властью или служебным положением). Во-вторых, мотив преступления может быть квалифицирующим признаком, образующим состав преступления при отягчающих обстоятельствах (например, корыстные, хулиганские мотивы, месть, кровная месть, мотив национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды) [3].

♦ **Боруленков Юрий Петрович** - кандидат юридических наук, доцент, проректор Академии Следственного комитета Российской Федерации.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (п. 2 ч.1 ст. 73 УПК РФ) мотив входит в предмет доказывания и должен быть установлен по каждому делу. Не всегда данное требование закона выполняется. Например, по данным О.С. Капинус, доля приговоров и кассационных определений, отменённых или изменённых из-за неустановления или неверной оценки мотива и цели преступления, составляет 14% общего числа отменённых или изменённых судебных решений по уголовным делам [4].

Анализ судебно-следственной практики показывает наличие существенных теоретических и практических проблем, связанных с установлением и доказыванием мотива преступного поведения. Причин тому несколько. В частности, в рамках уголовно-правовой доктрины учёные не достигли единого мнения по определению мотива преступления. В ряде работ рассматривались различные аспекты мотивации [5] преступлений: понятие мотива и его место в системе других субъективных признаков преступления [6], философский аспект мотивации [7], мотив и общие вопросы квалификации преступлений, влияние мотива на квалификацию отдельных преступлений, процессуальные вопросы установления мотива преступлений [8] и др.

Проблема мотива многоаспектная и находится на стыке многих наук, в частности психологии, философии, социологии, права и др. Трудность определения мотива в праве связана, прежде всего, с тем, что в общей психологии имеются значительные расхождения в характеристике этого понятия. Некоторые психологи вообще отрицают какую-либо мотивацию поведения. По их мнению, мотив играет роль объяснительного понятия. Особенности ситуации рассматриваются как мотивирующие поведение переменные, актуализирующие устойчивые мотивы человека. При этом, отсутствует разграничение понятий «мотив поведения» и «мотив преступления». Это сугубо практический вопрос, решение которого позволит определить предмет и пределы доказывания мотива преступления.

Ранее под мотивом понималось побуждение к действию, поскольку основной функцией мотива считалось побуждение поведения. Но современная психология пришла к выводу, что переживаемый мотив непосредственно не побуждает поведения. Потенциальные мотивы становятся реально действующими при определённых условиях. Должно существовать нечто, что позволяет выбрать между различными вариантами действия, «запускает» действие, направляет, регулирует и доводит его до конца, после чего начинается новая последовательность действий, в которой снова можно усмотреть уже другую целенаправленность [9].

Нередко в литературе мотивы ассоциируются с влечениями, желаниями, стремлениями, интересами [10]. Но последние в современной трактовке означают этапы возникновения, становления и развития мотивации, они самостоятельные психологические категории, и стать мотивами они не могут, поскольку любая из этих категорий с возникновением другой существовать не перестаёт, а продолжает присутствовать наряду с ней.

Ряд специалистов в области психологии и уголовного права при определении мотива основной акцент делают на том, что это только осознанные побуждения [11]. В последние годы многие учёные пришли к выводу, что мотивы могут иметь не только осознанный, но и подсознательный (неосознанный) характер. Содержательная сторона мотива не всегда адекватно отражается в сознании, а иногда и вовсе не фиксируется в нём. Люди предпочитают не замечать подлинных мотивов своего поведения, мотивируя [12] «благородными» побуждениями [13].

В основе психической деятельности человека лежат его потребности, представляющие собой нужду в той или иной материальной вещи, в каком-либо результате деятельности. Потребность выступает как единство субъективного и объективного. Субъективное выражается в нужде, т.е. в том, в чём нуждается организм. Объективное определяется тем предметом или действием, которые могут удовлетворить нужду организма и придать потребности определённую направленность. Потребность (их совокупность) выступает в качестве первопричины деятельности человека только в случае её осознания: лишь поняв, в чём он нуждается, что ему нужно, определив объект своей потребности, индивид проявляет активность (внутреннюю, а затем при определённых условиях – внешнюю).

От уровня сформированных потребностей зависит ценностная ориентация и общая поведенческая направленность субъекта. Следует учитывать, что потребности, стимулирующие преступную деятельность, далеко не всегда асоциальны, они могут носить и положительный характер с точки зрения морали. Например, говоря о понятии корыстного мотива, необходимо, прежде всего, отметить, что без соотнесения его с допускаемыми субъектом способами воздействия на общественные отношения корыстный мотив нейтрален по отношению к закону. Преступник выбирает криминальное решение [14].

Кроме потребностей источниками человеческой деятельности являются интересы. Интересы формируются на основе потребностей, они вторичны и производны. Потребности и интересы непосредственно сами не вызывают волевых действий. Для этого они должны пройти через сознание, отразиться в нём, осознаться, т.е. превратиться в мотив действий. Процесс их

формирования и преобразования в мотив складывается из оценки потребности среди системы потребностей; соотнесения потребности с объективными условиями и нравственными качествами; определения целей, выбора путей и средств [15].

Мотив в конкретном человеческом поведении, прежде всего, выполняет побудительную роль, определяет источник, который питает данное поведение, другими словами, характеризует динамическую сторону активности личности. Но этим роль мотива не исчерпывается, так как от него зависит и смыслообразующий характер человеческой деятельности, то есть то, как лицо объясняет своё поведение, с какими обстоятельствами его связывает, какую цель намеревалось осуществить вследствие совершения тех или иных действий.

Исходя из определённых потребностей, человек испытывает сначала неосознанное влечение, потом желание, затем сознательное стремление к удовлетворению потребности. В совокупности это составляет ту основу, на которой формируется определённая цель человеческого поведения [16]. Определив объект потребности, субъект тем самым формирует общую цель своих действий, которая впоследствии в процессе мотивации будет конкретизирована, будут определены способы достижения данной конкретизированной цели.

Важно не допускать отождествления мотива и цели преступления или подмены одного другим, это самостоятельные элементы преступления, которые не могут совпадать [17]. Хотя мотив и цель понятия взаимообусловленные, они характеризуют различные стороны волевого процесса. Мотив отвечает на вопрос, зачем человек совершает те или иные действия, тогда как цель определяет направление деятельности. По существу, мотив и цель по особому выражают динамический и смыслообразующий аспекты человеческой активности. Цель не возникает без мотива, но, с другой стороны, мотив, как и весь волевой процесс, получает своё содержание благодаря цели, вследствие той конкретной деятельности, в которой эта цель находит своё воплощение. Сами мотивы, побуждения в волевом поступке «не действуют непосредственно в виде совершенно слепого импульса, а действуют опосредованно через осознанную цель» [18].

В психологических дефинициях цели подчёркивается, что она является, во-первых, идеальным, то есть существующим только в сознании лица, образом того или иного результата, а во-вторых, образом желаемого будущего результата, то есть не существующего в действительности [19].

Мотив и цель преступления тесно и неразрывно связаны не только между собой, но и с виной [20]. В целом, как мотив, так и цель могут

выступать в роли субъективной причины преступления, но цель определяет направленность действий, а мотив отвечает на вопрос, почему человек избрал именно эту, а не другую цель [21].

Следует учитывать положения общей психологии о полимотивации, множественности целей и мотивов, в соответствии с которыми стремление к достижению одной цели может быть обусловлено действием разных мотивов, равно как и наоборот, один мотив может определять достижение разных целей. Решение совершить общественно опасное деяние зачастую сопровождается не одним, а несколькими побуждениями, смешанными (конкурирующими) мотивами, которые могут в какой-то мере дополнять, а в отдельных случаях и видоизменять основной мотив, усиливать его побудительное значение. В этот многомерный психологический процесс могут вплетаться и противоречивые тенденции, менее привлекательные мотивы неосознанно подменяются другими – более привлекательными [22]. В практической деятельности в системе смешанных (конкурирующих) мотивов достаточно сложно выделить ведущий (доминирующий) мотив, определивший принятие решения о совершении преступления, на чём настаивает Верховный суд РФ [23].

Представление о мотиве преступления должно строиться на основе выявленной дальней цели преступного деяния, в то время как в качестве собственно цели преступления должна выступать ближняя цель преступного поведения. Так, ближней целью преступления, в зависимости от его характера, может быть получение конкретных материальных благ, причинение смерти или вреда здоровью человека, уничтожение или повреждение имущества, дезорганизация работы учреждений и др. Установление только ближней цели преступного деяния исключает возможность выявления ведущего мотива преступления.

Субъективная сторона преступления лишь частично отражена в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы). Законодатель не включил в число устанавливаемых обстоятельств цель преступного посягательства. Но, не установив цели преступного поведения субъекта, сложно ответить на вопросы, касающиеся разграничения форм вины. Об этом ёмко и одновременно лаконично пишет В.А. Образцов: «При умышленном преступлении, сознавая смысл и значение ... совершаемых действий, преступник сознательно преследует общественно опасную цель. При неосторожном преступлении такая цель не преследуется» [24]. Недостаточно чёткое представление о цели, преследуемой преступником при совершении преступления, может привести к неверному истолкованию мотивов преступления. Это объясняется тем, что цель (целевая

установка) достаточно четко сознается человеком в отличие от побудительных мотивов поведения. Известный психолог А.Н. Леонтьев заметил: «Если цели и отвечающие им действия необходимо осознаются, то иначе обстоит с осознанием их мотива – того, ради чего ставятся и достигаются данные цели» [25].

В научной, психологической и юридической литературе можно встретить мнение о том, что причинами поведения человека могут выступать не только субъективные, но и объективные факторы. Например, совершение действий в результате предъявления к человеку социальных требований, которые должен выполнять каждый независимо от его желания, то есть когда индивид, не имея потребности в определённом поведении, все-таки совершает эти действия в силу каких-то внешних причин [26].

Теоретические сложности определения содержания понятия «мотив преступления» сопровождаются проблематикой практического установления (доказывания) мотивов конкретных преступлений, поскольку о них можно судить только по внешним проявлениям.

Является закономерностью, что в ситуациях неопределённости практика идёт по пути упрощения. Наиболее эффективным способом упрощения является презумпция, под которой принято понимать положение, устанавливающее наличность фактов или событий без полного доказательства их существования. Презумпции – это вариант действий «по умолчанию» [27].

Как вполне обоснованно отмечает И.И. Тазин, в современной судебно-следственной практике в отношении установления и доказывания мотивации преступного поведения сложилась триада мотивов-презумпций: «корысть, личная неприязнь, хулиганские побуждения», в соответствии с которой происходит приписывание мотива личности виновного исходя из характера совершённого им преступления. Естественно, что данные мотивы-презумпции не охватывают и не могут охватывать всего диапазона реальных внутренних побуждений личности [28].

Современное развитие науки психологии, противоречия законодательной техники и следственно-судебной практики влекут необходимость пересмотра некоторых положений, касающихся установления субъективной стороны состава преступления и, в частности, мотива преступления. Требует тщательного изучения и общепризнанное положение о наличии мотива во всех случаях совершения умышленных преступлений и необходимости его установления.

На практике мы сталкиваемся с ситуацией, когда при очевидности (доказанности) совершения преступления конкретным лицом, о мотивах его

действий можно только догадываться. Бабушка убивает восьмимесячного внука, нанеся ему восемь ударов молотком по голове. Девятью ударами ножа дедушка убивает полуторагодовалого внука. Мотивы своих действий пояснить не могут (или не хотят). Оба вменяемые. Понятно, что умысел есть обстоятельство, психически недоступное прямому наблюдению. Поэтому о мотиве возможно делать вывод только из слов или поступков, в которых он выражался.

Другая, достаточно часто встречающаяся ситуация. Задерживаем киллера. В установленные сроки следствия заказчика установить не представилось возможным. Чтобы вменить корысть или наём, их нужно доказать. А если доказать не удаётся? И личные неприязненные отношения не вменишь, поскольку нет прямой очевидной непосредственной связи между убийцей и потерпевшим. Следуя логике законодателя и практике Верховного суда, такое уголовное дело в суд направлять нельзя.

Открытым остаётся вопрос о наличии мотива в неосторожных преступлениях [29]. Ряд специалистов уголовного права считают, что мотивы и цели преступного поведения существуют и должны устанавливаться не только в умышленных преступлениях, но и в преступлениях, совершённых по неосторожности [30]. Подобная точка зрения выглядит достаточно спорной. Вряд ли правомерно считать мотивированными и целенаправленными такие деяния, тем меньше оснований искать мотивы и цели такого неосторожного преступления. Поскольку у субъекта отсутствует цель совершить преступление, постольку и последствия не охватываются его умыслом. Но предмет доказывания, очерченный уголовно-процессуальным законом, требует обязательного указания в фабуле обвинения установленного следствием мотива. И тут на практике мы сталкиваемся с очевидными трудностями.

Установлению мотива нередко препятствует и то обстоятельство, что социально порицаемый мотив может выразиться в общественно полезном поведении, а социально одобряемый – в антиобщественных действиях. В действительности поведение и мотивы, его обусловливающие, могут не только совпадать, но и противостоять друг другу в контексте нравственной оценки [31].

Главный и руководящий принцип исследования состоит в том, что в нормах материального права нужно искать критерий для определения тех границ, до которых должно быть производимо исследование обстоятельств уголовного дела посредством судопроизводства.

Относительно определения пределов исследования на суде мотива, побудившего подсудимого к совершению преступления, российскими

учёными досоветского периода были высказаны достаточно противоречивые мнения.

Несмотря на то, что ряд виднейших представителей юридической науки (А.Ф. Кони, В.Д. Спасович [32] и другие) признавал необходимым выходить за пределы формально описанного в законе состава преступления, в том числе и в исследовании личности подсудимого и его душевной сферы, в целом русская процессуальная доктрина сформулировала ограничительную позицию по поводу возможности выхода за пределы предмета доказывания с целью выяснения причин и условий, сформировавших антисоциальную установку личности обвиняемого. Учение о составе преступления как о совокупности внешних признаков деяния, образующих понятие преступления, впоследствии оказалось соответствующей идеологическим основам классической школы уголовного права.

Как отмечает профессор А.С. Александров, советский законодатель пошёл по пути субъективизации состава преступления и сообразно этому – предмета доказывания. Советская процессуальная доктрина развивалась в направлении расширения пределов исследования личности обвиняемого, что вызывалось общим преобразовательным пафосом советского уголовного права. Сущность уголовной политики олицетворяли идеи полного искоренения преступности и намерения власти создать новый тип советского человека [33].

Следует отметить, что уголовное законодательство и судебная практика большинства европейских стран придерживаются принципа «безразличия мотивов», то есть для целей квалификации мотив не имеет значения. А особенность уголовного права Англии заключается в том, что вина (а соответственно и мотив преступления) не является обязательным признаком преступления [34]. Реформирование отечественного уголовного законодательства может учесть положительный опыт этих стран. Субъективизация уголовного судопроизводства не только ставит задачи, которые современные средства юридического познания не позволяют решить, но и формулирует признаки преступного деяния, установление которых всецело зависит от субъекта их оценки.

По нашему мнению, мотив как обязательный элемент предмета доказывания должен быть исключён из ст. 73 УПК РФ. Неустановление мотива преступления не должно быть препятствием к осуждению лица за преступление, в диспозицию которого не включён мотив как квалифицирующий признак преступления. «Но иногда бывает, – писал в середине девятнадцатого века Уильям Уильз – что совершаются чудовищные деяния, побуждений к которым нет никакой возможности открыть. В

подобных случаях, которые, впрочем, встречаются довольно редко, на основании разумных правил, необходимых для общественной безопасности, деятель считается ответственным по закону, если не будет ясно и несомненно доказано, что он не способен понимать действительное значение своих поступков [35].

В тоже время это не значит, что мотив преступления не нужно устанавливать. Конечно, стремиться к этому нужно, поскольку установление факта наличия мотива преступления есть косвенное доказательство совершения преступления. И все доказательства, касающиеся установления мотива преступления будут относимыми к делу.

Ссылки:

1. Интериориза́ция (от фр. intériorisation – переход извне внутрь и лат. Interior – внутренний) – способность оперировать образами предметов, которые в данный момент отсутствуют в поле зрения. Человек выходит за рамки данного мгновения, свободно «в уме» перемещается в прошлое и в будущее, во времени и в пространстве // http://ru.wikipedia.org/wiki/.

2. Психологический словарь // http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=523.

3. Наумов А.В. Мотивы убийства. Волгоград, 1969. – С. 20; Ивченко О.С. Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. – С. 14.

4. Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели. М., 2004. – С. 59-60.

5. Мотивация – побуждения, вызывающие активность организма и определяющие её направленность. Термин «мотивация», взятый в широком смысле, используется во всех областях психологии, исследующих причины и механизмы целенаправленного поведения человека. См.: Психологический словарь //http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=524

6. Петелин Б.Я. Доказывание мотива и цели преступления на предварительном следствии: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1971.

7. Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975.

8. Петелин Б.Я. Установление мотива и цели преступления / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 1979; Соколова О.В. Уголовно-правовой аспект мотивации преступного поведения и проблемы доказывания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002.

9. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. – Т. 1. – С. 36, 90; Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание

дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. – С. 12.

10. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. – С. 48.

11. Музюкин А.П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение: Монография. М., 2012. – С. 13.

12. Мотивировка – рациональное объяснение субъектом причин действия посредством указания на социально приемлемые для него и его референтной группы, побудившие к выбору данного действия. С помощью мотивировки личность иногда оправдывает свои действия и поступки, приводя их в соответствие с нормативно задаваемыми обществом способами поведения в данных ситуациях и своими личностными нормами. Мотивировка может иногда сознательно использоваться субъектом для маскировки действительных мотивов его поведения. См.: Психологический словарь // http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=525.

13. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. – С. 139.

14. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1979. – С. 79.

15. Ганичева Е.А. Особенности доказывания мотивации и целей совершения несовершеннолетними краж, грабежей и разбоев // КриминалистЪ, 2010. № 2 (7). – С. 73-77.

16. Музюкин А.П. Указ. соч. – С. 21-22.

17. Тазин И.И. Процессуальные средства установления и доказывания мотивации преступного поведения // Вестник Томского государственного университета. Общенаучный периодический журнал. 2011. Февраль. № 343. – С. 135.

18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. – С. 508.

19. Борзенко А.В. Проблема цели в общественном развитии: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1987. – С. 4.

20 Петелин Б.Я. О доказывании мотива и цели преступления // Советское государство и право. 1970. № 11. – С. 115.

21. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1998. – С. 170.

22. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2007. – С. 69.

23. П. 13. Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве». Режим доступа: Система «Консультант Плюс».

24. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М., 1997. С. 86.

25. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. – С. 204.

26. Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977. – С. 7.

27. Калиновский К.Б. «Право презумпций» – стратегия развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Стратегии уголовного судопроизводства: Сб. материалов науч. конф. М., 2008. – С. 92.

28. Тазин И.И. Указ. соч. – С. 134.

29. Ильин А.Н. Некоторые направления криминалистического обеспечения доказывания мотива преступления // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): Сб. матр. 53-х криминалистических чтений: в 3-х ч. М., 2012. – Ч. 2. – С. 66-68.

30. Дагель П.С. Неосторожность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. – С. 60.

31. Музюкин А.П. Указ. соч. – С. 32-33.

32. Прения по реферату В.К. Случевского / Протоколы заседаний отделений Санкт-Петербургского юридического общества // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Книга 5. – С. 16, 22-23.

33. Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: Монография. Н.Новгород, 2011. – С. 68-93.

34. Наумов А.В. Понятие мотива по уголовному праву Англии и США // Правоведение. 1967. № 3. – С. 135.

35. Уильз Уильям. Опыт теории косвенных улик: Признаки, обстоятельства, примеры. Пер. с англ. (1864 г.) / Предисл. А.М. Унковского. Изд. 2-е. – М., 2012. – С. 45.